

О семье, старой Москве и воспоминаниях детства

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1981>

15 апреля 2016

Собеседник

Кривоносов Юрий Михайлович

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 15 апреля 2016 и опубликована 20 апреля 2018.

Введение

Первая беседа с фотожурналистом Юрием Кривоносовым — это разговор о близких ему людях и о Москве. Юрий Михайлович рассказывает о своих предках, родителях и многочисленных родственниках, описывает судьбы соседей по коммунальной квартире и вспоминает друзей детства и юности. Это рассказы «старого москвича» о городском быте и стремительных изменениях Арбата, Большой и Малой Молчановки, и Поварской-Воровского. Запись завершается воспоминаниями о начале войны с Германией.

О предках и родственниках со стороны отца

Юрий Михайлович Кривонос: Зовусь я Кривонос Юрий Михайлович. Хочу рассказать для начала о моих предках, откуда я произошел. Мой дед и моя бабушка по отцовской линии жили в районе города Обоянь где-то недалеко от Белгородской области. Там были две слободы: слобода казацкая и слобода стрелецкая. В одной слободе жил дед, в другой — бабушка. Точно я не знаю, в какой слободе кто из них жил. Короче говоря, они познакомились там и решили пожениться. Но бабушка была из богатой семьи, а дед был из бедной семьи. Конечно, бабушкины родители не хотели ее выдавать за ее возлюбленного. Тогда она, как тогда говорили, «самокруткой» ушла, и вместе они уехали на Украину в Дружковку. У них был еще отец его, но я ничего о нем не знаю. Я только знаю, что его звали Алексей, потому что деда моего звали Семён Алексеевич. Значит, прадеда звали Алексей. Больше я ничего про него не знаю.

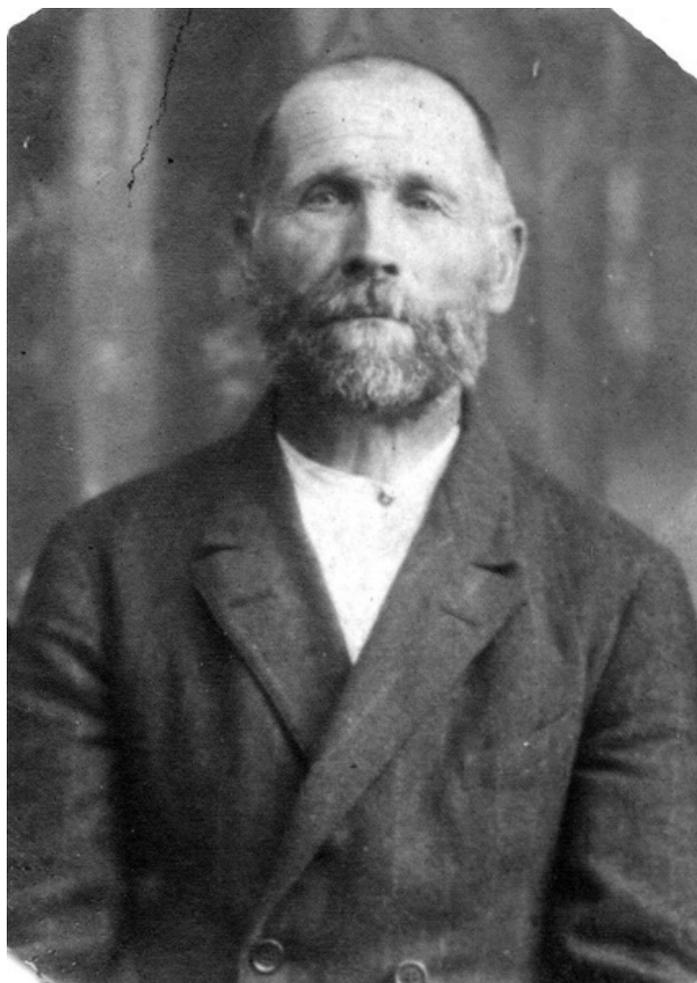
Знаю еще, что была прабабушка со стороны отца. Ее звали Мария. Она была повитуха и травница. Знаете, что такое «травница»? Это когда лечат травками. А повитухи — это были акушерки домашние, деревенские, сельские, и она принимала детей и людей лечила этими травками. Вот ее звали Мария. Кроме этого, она была очень сильная женщина, и она на базаре во время ярмарок с мужиками боролась на поясах. Кончилось это тем, что какого-то мужика она через себя перекинула, он свернул шею и помер. С этого момента она перестала уже этим заниматься, больше никогда не боролась и только принимала детей.

Когда они уехали в Дружковку (а Дружковка состояла из трех поселков: сама Дружковка, Карловка и Сурово), они поселились на Сурово. На высоком месте был такой поселок. Вроде как деревня или поселок.

” Они там построились, причем дед поставил свой дом вдоль улицы, а все ставили торцом к улице, и поэтому на него очень злились, потому что не было видно, что во дворе делается. А людям же любопытно.

А к нему приезжали дети, внуки и народ. Еще дом был обсажен со всех сторон маслиной. Это колючее и переплетенное. И летом они, как шапкой, закрытые — ничего не видно. Вот это было обидно. Но у него дом был очень хороший. Даже окна у него были без перекладин — сплошное стекло.

Дед был очень такой серьезный товарищ. Он работал в Дружковке на металлургическом заводе. Тогда там был металлургический завод. Его теперь в Дружковке нет. Следов даже его нет, его снесли. Он там работал. Но тут произошла революция 905-го года. Там все забастовали, был революционный подъем, а потом, когда это все пошло на затухание, одни люди пришли на работу, а другие продолжали бастовать. Мой дед продолжал бастовать. В результате ему вручили волчий билет, то есть его нигде на работу уже не брали, на эти все предприятия.

Семён Алексеевич Кривоносов. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Он должен был как-то существовать, а у них был клочок земли. То ли он купил в это время, то ли у него была — я точно не помню. И они решили жить сельским хозяйством. У них была корова, у них была лошадь, и было много детей. Мой отец родился — он был один из самых старших. Потом у него брат был и четыре сестры. Одна старшая сестра и три [младших] сестры. Судьбы их все были самые разные, но это я немножко позже расскажу. Короче говоря, они эту землю обрабатывали, с нее они кормились... Кроме этого, корова была, какие-то овцы, какие-то козы, не знаю, всякие животинки. Большой сад был, очень большой сад. Большой участок, просто колоссальный. И чего только в этом саду не было — вплоть до винограда. Для того чтобы это все поливать, нужна была вода, а село все-таки на высоком месте, и они решили сделать колодец. Мой отец и его брат Николай (отец — Михаил, а брат — Николай) прокопали колодец. Они вдвоем вырыли этот колодец глубиной в девять сажен. Девять сажен — это восемнадцать метров. Это, по-моему, высота этого дома примерно. Потому что здесь в пятиэтажке этажи по три метра. Пятью три — пятнадцать. Короче говоря, вот такой глубокий колодец они вырыли. Он давал в день до ста ведер воды, и вода была очень вкусная.

Потом была революция, и волчий билет деда не нужен был. Он опять пошел на завод работать, продолжал работать на заводе. Мой отец, когда началась уже Гражданская война, попал в Красную армию. Он попал в 1-ю конную армию. Железнодорожный был батальон, который занимался тем, что обслуживал бронепоезда наших, красных, и делали все, чтобы взрывать бронепоезда белых. Вот он там был. Но он, в зимнюю пору стоя на посту, обморозился, и его списали. Его списали, и он ушел домой, подлечился, а потом поехал в Москву. Он окончил рабфак, после рабфака поступил в МГУ

на медицинский факультет, который и окончил в 28-м году.

Кривоносов Михаил Семёнович. 19 октября 1928. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Брат его, Николай, тоже учился на врача, но я не знаю, где. Потому что мой отец выучился на хирурга, а брат его — ухо-горло-нос. Но самое интересное, что брат его выучился уже в 30-е годы и его послали заведующим облздравотделом в Биробиджан, когда там создавалась Еврейская автономная область. Хотя это была Еврейская автономная область, а он был абсолютно русский, его послали, и он там работал. Вот такая судьба его была.

Старшая сестра вышла замуж там же в Карловке и жила со своим мужем. У нее было трое детей. Старший сын был, один, и две дочки. Сын погиб на войне, был разведчиком. Дочки — там разные судьбы у них были. Когда немцы пришли туда, они попали в оккупацию. Муж старшей сестры во время оккупации умер, а она потом приехала с детьми в Москву и уже умерла в Москве. Старшая сестра рано умерла.

Младшие три сестры были все замужем. У всех были мужья. Причем вторая по возрасту замужем была — у нее была дочка. Следующая сестра была — у нее был сын. И третья младшая сестра — у нее детей не было. У них у всех были мужья. В период репрессий — 37-й год — всех мужей арестовали. Двух, по нашим соображениям, видимо, расстреляли, потому что они больше никогда не появились. Но муж младшей сестры появился. Его звали Иван. Отчество я точно не помню, не могу сказать. Он перед самой войной появился в Краматорске. Потому что отец уже жил в Краматорске. И началась война. Я оттуда уехал, он куда-то девался и больше не возникал. Значит, все сестры остались вдовами. Дети у них росли, выросли. Это судьба моего рода со стороны отца. Может быть, я что-нибудь забыл, вспомню.

Семья Кривоносовых. 1933. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Родня со стороны матери

Теперь судьба моей родни со стороны матери. Моя мама родом из местечка Лёзна* под Витебском. Это, по-моему, километров двадцать или двадцать пять от Витебска. Это еврейское местечко. Она родилась, естественно, в еврейской семье. Того деда звали Семён Алексеевич, а этого деда звали Алтер-Буним Рискин. Огромный, с рыжей бородой, красивый дед. У него было четверо детей. Старший был сын, Шолом его звали, и три дочери: старшая Соня, вторая Фрума, третья Роза. Роза — это моя мама была. Она была младшая дочь в этой семье.

* Лёзна — название на белорусском языке, по-русски называется Лиозно.

Роза Рискина. Лиозно, 19 апреля 1918. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Он сам был механик. Там в Лёзне была мельница, принадлежала помещику, и он работал механиком у помещика на этой мельнице. Обслуживал мельницу, чтобы она работала. Кроме этого, у помещика был автомобиль. В то время это редкость. Он и автомобиль обслуживал. То есть он был механик на все руки. Причем семья была музыкальная. Все играли на всех музыкальных инструментах. У них концерты устраивались. У них был граммофон и огромное количество разных пластинок. Потом у них был еще какой-то родственник двоюродный, он возглавлял какую-то подпольную социал-демократическую организацию.

”

К нему с обыском приходили. Там были патроны у них. И моя бабка, которую звали Двейра, высыпала в валенки патроны, надела валенки, по этим патронам ходила, пока был обыск, чтобы не нашли эти патроны.

Вот такая семейка была. А сын его тоже стал механиком. Это мой дядя Шолом. Он потом жил в городе Горьком, ныне опять Нижний Новгород. Он работал там при заводе, но работал дома. У него мастерская механическая была, но он работал на какой-то завод, потому что он делал очень точные приборы на своих станках, и эти приборы нужны были для завода. Какие-то механизмы. Он этим жил. Судьба их была такая, что они все вовремя уехали оттуда. Дед умер в 20-м году, похоронен был в Смоленске. Дети

его уехали оттуда. Оставалась только сначала старшая сестра, потом и она уехала, и забрали мать сюда в Москву. Они в Москве жили.

Дальше там была такая трагедия, когда война началась: когда немцы пришли, они расстреляли всех жителей этого местечка. Когда их мимо леска куда-то вели на расстрел всех, то бабушка, какая-то двоюродная к нашей эта бабушка, сказала своей внучке, которая приехала туда из Москвы на каникулы, на лето, сказала ей: «Беги!» Та рванулась в лес и побежала, а немцы были без собак, и они ее догнать не смогли. Она убежала. Она прошла шестьсот километров оттуда, перешла линию фронта и пришла в Москву. Это моя троюродная сестра, ее звали Эйга Авидон. Сейчас она живет в Израиле. У нее дети: один — в Канаде, один — еще где-то. Вот так она единственная из этого поселка осталась в живых.

И еще нужно сказать, у меня есть фотография, где эта вся дедовская родня, и там какая-то очень старенькая бабушка сидит. И я спросил, кто это. Моя мама не знала, а тетя Соня, старшая сестра, говорит: «Ну как же. Это наша бабушка, твоя прабабушка. Ее звали баба Эйга. Она была повитухой и травницей». И та прабабка, и эта! Повитухой и травницей. Мама рассказывала, что она с собой ее брала иногда, когда шла по своим делам. Но дело в том, что в те годы, когда эта моя прабабка там практиковала, родился Марк Шагал. Так как он был из бедной семьи, то большая вероятность, что она его и принимала. Потому что богатые могли вызвать из Витебска акушерку, а бедные не могли. А семья Шагалов была очень бедная. Один Шагал — парикмахер, другой рыбой торговал. В общем, были бедные люди. Так что не исключено, что мы имеем родство с Марком Шагалом. Причем самое интересное, что несколько лет назад Марк Шагал мне приснился. Я его по фотографиям хорошо знаю и по кинокадрам. Он меня водил по своей выставке и объяснял что-то про свои картины. Что — я, конечно, не помню, но что он меня водил, я четко совершенно помню. Это вот то, что со стороны мамы.

Семья Рискиных. Лиозно. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Судьба отца

Теперь, значит, судьба папы. Он приехал в Москву. Я уже говорил, кончил рабфак, поступил в МГУ. А мама приехала в Москву. Она окончила гимназию и начальные какие-то курсы в каком-то институте. Она поступила клерком каким-то в Заготзерно, была такая организация. Потом Заготзерно превратилось в комитет заготовок при Совете министров (тогда Совет народных комиссаров). И она там работала. Выпускался бюллетень, и она в этом бюллетене работала. Короче говоря, она занималась литературным трудом. В это время она зарабатывала, а папа был студентом. И в 26-м году я у них родился. Я у них родился, и папу послали где-то в один из последних курсов на практику, как это бывает у студентов-медиков. Его послали в Луховицы. Тут под Москвой где-то это. Мне тогда было что-то года полтора, и у меня смутное воспоминание: какой-то сарай или дом, вниз ведет какая-то лестница деревянная, и мальчишки по этой лестнице катают какой-то такой брусок или не брусок, кусок деревяшки катают вниз, и все смеются, и я смеюсь. Вот это туманно-туманно мне вспоминается. В эти полтора года у меня что-то мелькнуло, где-то отпечталось — вот только это.

Двухлетний Юра Кривоносов. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Когда мне было около пяти лет (папа уже закончил в 28-м году и работал врачом), они с мамой разошлись. Они были в гражданском браке. Они разошлись, и он уехал на Украину, на свою родину, в Краматорск. Краматорск — это рядом с Дружковкой. Он там стал работать врачом. А мама осталась, я остался с мамой в Москве. Они продолжали дружить. До конца жизни он к нам приезжал. Они были в чудесных отношениях.

У него уже там потом была другая жена, родилась у него дочка в 37-м году, когда мне было одиннадцать лет. Родилась при мне, потому что я какие-то годы учился в Краматорске, на Украине, а какие-то годы туда на лето ездил. То есть я был между Москвой и Краматорском все время. И родилась эта сестренка у меня. Наши родители такие были умные! Они нас свели так плотно, что мы с ней дружим всю жизнь и дружим так, как даже родные, может быть, прямые родственники... У нас отец только общий, но дружим мы с ней вот так плотно. До сих пор я с ней каждое утро говорю по «Скайпу»! И она мне рассказывает: с войной — она же там в Краматорске сидит сейчас — они попали под власть Киева, и там вообще очень трудно. Слава богу, у нее интернет, она может работать, мы с ней общаемся. Вот это тоже было большое достижение для нашей семьи.

Юра Кривоносов с сестренкой Людой. Краматорск. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

В 37-м году, когда она родилась, я в этот год как раз учился в Краматорске, моего отца перевели в Киев. Он тут был главврачом в больнице. Его перевели в Киев директором украинского института переливания крови. Он сделал какое-то открытие по переливанию крови. Я точно не знаю — то ли плазму переливать, что-то такое. Его туда перевели директором института. И там на него в это время, когда шли аресты, обрушилась вся эта история: его вызвали, сказали, что мы тебя исключим из партии, завтра сдавай партбилет, мы тебя увольняем. Короче говоря, вот такая история. Он кинулся к своему другу. Друг ему говорит: «Тикай». Он: «Куда?» — «Тикай, куда хочешь. Только тикай». И папа лучше не придумал: он поехал на строительство, на Беломорско-Балтийский канал, и нанялся там вольнонаемным врачом. Но через два-три месяца те, кто хотели его арестовать, были арестованы. Потом арестовали тех, которые тех арестовали. И все концы в воду, и ничего не осталось. Отец мой в Киев больше не поехал. Он вернулся

в Краматорск и стал опять работать там главврачом больницы. Так он уцелел в этой истории.

О войне я отдельно буду говорить потом. И о родителях на войне. Потому что родители мои на войне были оба: и отец, и мать. И я был. Мы все трое были на войне, вся семейка. Но это уже потом. А мама продолжала тут работать и меня воспитывала.

Соседи по коммунальной квартире

Екатерина Андреевна Голицына: А вы где жили тогда?

Ю. К.: Мы жили на улице Воровского, угол Малого Ржевского переулка. Напротив был Большой Ржевский переулок и церковь Ржевской Божией Матери. Это исторический перекресток. Я про него пишу очень интересные вещи в своей книге «Булгаков и его время». Но это надо читать уже в этой книге. Это совсем другая история. Вот там мы жили на Воровского.

Это была большая коммуналка. В этой коммуналке было сколько?.. Восемь или девять семей. По-моему, восемь семей. Причем жили очень дружно. Все двери в коридор были открыты. Дети бегали из одной комнаты в другую. Всенародно воспитывали всех детей. Было три девчонки. Все три родились одна за одной в 30-м году с разницей в месяц-полмесяца. И нас было пять мальчишек. Сосед наш был такой Фельдман, и у него был племянник Коля.

И одна семья еврейская была Норберы. Это тоже целая интересная история. Их отец, Оскар Львович, во время Первой мировой войны попал в плен в Австро-Венгрию. Тогда плен был очень интересный. В Будапеште он в это время окончил курсы механиков по пишущим машинкам и тонким аппаратам, влюбился в какую-то женщину, которую звали Вера Львовна Штерн, на ней женился, а тут началась Венгерская революция. Он в ней участвовал, а когда начались репрессии, бежал в Россию. Хотя родом он был из России. Вместе с ней он приехал сюда, и они уже прожили здесь всю жизнь в Москве. У него было три сына. Павлик — 20-й год, Лёва — 22-й год, и Саша — 24-й год. Коля, племянник соседа, — 25-й год. Я — 26-й, самый молодой.

Из пяти ребят я один вернулся с войны. Один. Может быть, потому, что это был последний призыв, а может быть, потому, что я не попал в пехоту, я не попал в период страшных отступлений. Все остальные ребята погибли. Старший Павлик был слепой почти. Он без очков вообще в десяти шагах не видел. У него десять диоптрий, что ли, было. От него получили телеграмму. Они были в эвакуации в Марийской республике, и его, и младшего Сашку мобилизовали, забрали и увезли на фронт. И от Павлика пришло письмо: «Назначили пулеметчиком. Еду под Воронеж». Какой пулеметчик? Он ничего не видел. Конечно, от него никаких следов не осталось.

Саша попал в пехоту. Тоже интересная история. Сначала он попал в Гороховецкие лагеря, где готовили маршевые роты. Он мне писал оттуда письма. Но это недолго продолжалось, до формирования, пока их отправили. И я помню, что в письме он что-то писал, писал, писал, и там что-то было позачеркнуто военной цензурой. Как тогда было — черным замазывали какие-нибудь фразы отдельные, которые считались военной тайной. И там была фраза: «Но кормят вкусно». Когда я пробрался через эту черную краску и прочитал, там было написано: «Но кормят мало и невкусно». Вычеркнув это, они сделали: «Но кормят вкусно». Потом этот Сашка попал на фронт в пехоту, был ранен в голову и в руку, попал в госпиталь. Потом снова был на фронте, и под Витебском, когда наши уже наступали на Витебск, в этом районе, мамином, он был сапером и тоже погиб. Его убило.

Средний сын Лёва не поехал с ними в эвакуацию, он оставался в Москве. Он пошел в рабочий батальон с Колей, племянником вот этого Фельдмана. Они все пошли в этот рабочий батальон и шли на фронт по Ленинградскому шоссе, остановились на привал — и тут немецкая бомба упала и Колю убила на месте. Лёва остался. Потом он опять был ранен в бою в каком-то. Он окончил училище пулеметчиков-минометчиков, и он уже был сержант или младший сержант, я не помню. Он был ранен, его погрузили в санитарный поезд. Немцы разбомбили поезд, и он тоже погиб. Вот судьба ребят из нашей коммуналки.

Я уцелел. Я уцелел, потому что я попал, во-первых, в морскую авиацию. Сначала я попал на фронт на фронтовой аэродром, но это отдельный рассказ.

Е. Г.: Это дальше, это дальше. Погодите.

Ю. К.: Это все будет дальше. Но я не попал в пехоту. Может быть, поэтому я уцелел. Это специальная служба, это была аэросъемка, это уже все другое было. Вот это то, что можно рассказать о моей родине.

Воспоминания о Москве 1930-х годов

Е. Г.: А можете рассказать, какой в вашей памяти детства Москва была? Как она вам помнится в те годы?

Ю. К.: Москва мне помнится в том виде, в котором она была, абсолютно четко. Я всю Москву вижу, все улицы, все переулки, потому что с мальчишками мы любили гулять. У нас была такая формулировка — «направо-налево»: первый переулок направо, первый переулок налево, первый переулок направо, первый переулок налево. Понимаете, вот так: направо, налево. Таким образом мы исходили весь город. Кроме того, мы ездили... На майские праздники уже тепло было. Тогда вообще климат был другой. Уже купаться можно было в Москве-реке... Мы ездили на Потылиху — это там, где теперь Мосфильм, на Воробьевку. Туда трамвай ходил — номер не помню, пятнадцатый, кажется. Не помню, не могу сказать.

Улица Воровского была посольской улицей. Там большинство особняков занимали разные посольства. Там стояло немецкое посольство. Когда у них был какой-то праздник, они вывешивали свой огромный красный фашистский флаг с кругом и со свастикой. И вот я помню, когда они захватили Австрию, у них был праздник, они вывесили этот флаг свой. Теперь в этом здании, по-моему, норвежское посольство помещается. И там вся улица была...

Наш дом был вот такой — коммуналка на коммуналке, но к нашему дому была пристройка четырехэтажная, под одним с нашим номером. У них вход был со двора, но один вход в этот дом был снаружи. Это был вход в одну квартиру второго этажа. От входа шла лестница на второй этаж — и всё. Внизу была какая-то охрана. Это была маршальская квартира. Там сначала жил маршал Егоров. Сначала арестовали его жену, через короткое время арестовали его самого. Туда вселили командарма 1-го ранга Федько с двумя детьми и с женой. Через какое-то время арестовали Федько. Исчезла и она. Я про это даже пишу, по-моему, в своей книжке где-то. Потом туда вселили маршала Шапошникова, который уже там прожил свою жизнь. Потом его сын там был. Он был сначала старший лейтенант, техник авиационный. Потом я его увидел уже полковником, но это после войны. Сейчас эту пристройку сломали, но дом двадцать восемь так и стоит как ни в чем не бывало, но к нему пристроили уже новую.

Там были очень интересные дома дальше. Наш был двадцать восемь. Дом двадцать шесть — там жил Бунин когда-то, даже мемориальная доска есть. Следующий дом — там были посольства Латвии и Литвы — желтое такое здание, по-моему, этажа три. Во время войны в этом здании был Краснопресненский райком партии. Напротив двадцать шестого дома было здание длинное, по-моему, оно и сейчас стоит. Его только переоборудовали. Называлось Губсуд. Значит «губернский суд». Видимо, тогда центральный губернский суд. «Губсуд» называли. Во время войны там даже было бомбоубежище. И весь дом был особняками...

Вот это была Молчановка, Большая и Малая. Потом, когда прорубили Новый Арбат, уничтожили эти Молчановки. Малая Молчановка сохранилась, но часть Большой Молчановки отрубили. Уничтожено там... Остался только родильный дом Грауэрмана. Тут дровяной склад был, это всё... В своей книге в главе «Полет Маргариты» по «Мастеру и Маргарите» я описываю как раз вот этот маршрут, который я вижу своими глазами, как его Булгаков описал. Это мое представление, конечно. Я там доказываю, почему именно этот маршрут. И там была такая совершенно романтическая маленькая площадь, называлась «Собачья площадка». Она была знаменита на всю Россию. Говорят, что там какой-то купец подкармливал собак. Не знаю. При мне собак не кормили. Там посередине был фонтанчик такой, и на этом фонтанчике были силуэты собачек со всех сторон. Вот это была Собачья площадка, тут была поликлиника и переулки.

Я знаю хорошо вот весь район Тверского бульвара, потому что мама работала на Большой Дмитровке (она одно время «Пушкинская» называлась). Там было Заготзерно, а потом комитет заготовок, который потом переехал в Дом Совнаркома на Охотный ряд, а сначала это было здесь на Дмитровке. Сначала я в детском саду был на Дмитровке. В том же здании [Заготзерно], только с другой стороны, был детский сад для детей сотрудников, и я был в этом детском саду лет до шести, по-моему. В семь уже нет. Я ходил пешком туда с улицы Воровского через Тверской бульвар. По-моему, мало что изменилось на Тверском бульваре сейчас. Где-то что-то еще понастроили, но там хорошо, многое сохранилось. По Тверскому бульвару и туда на Дмитровку ходил в столовку к маме обедать. Это было тоже очень интересное время. С этим детским садом мы все выросли. Нас стали возить от этого комитета заготовок в пионерские лагеря. Это тоже сыграло очень много важного в моей судьбе — вот поездки в эти лагеря. Потому что мои друзья — я потом о них пишу где-то — благодаря одному из них (косвенно) я стал фотографом. Но это отдельный рассказ уже про фотографию...

Е. Г.: Это уже в школе, наверное.

Ю. К.: Это когда мне было десять лет.

Первый класс

Е. Г.: А школа где ваша была?

Ю. К.: Со школами очень интересно получилось. Сейчас я вам расскажу. Школа, в которой я пошел в первый класс, была в Хлебном переулке. Вот наша была улица Воровского, так идет Малый Ржевский, а параллельно Воровского идет Хлебный переулок. Там был дом со львами — такие огромные львы у входа. Потом там было бельгийское посольство, но там помещалась школа №5. В эту школу я пришел в первый класс. Я был левша. И пока я карандашом писал, это все было хорошо. Когда я стал писать чернилами, то я писал и тут же стирал все, что написано было. В течение двух недель учительница меня научила писать правой рукой. Ее звали Мария Николаевна, у нее была такая короткая стрижка, я помню облик этой учительницы, это моя первая учительница. Я стал писать и правой, и левой. Одинаково плохой почерк и той, и другой, но могу писать и правой, и левой. Но теперь правой я пишу даже лучше, потому что ею писал больше. А так я был левша. И я все научился делать и правой, и левой, делаю примерно все одинаково равно. Есть две вещи, которые я не могу сделать правой рукой: я не могу бросить камень правой рукой и я не могу работать молотком правой рукой. Вот не знаю, почему. Вот такая штука.

Старый Арбат

Теперь что-то связанное с этой улицей, с этими переулками — много было интересного... Мы там гуляли, это были наши любимые... Это Арбат Старый — он был узенький, Старый Арбат. Он и сейчас такой узенький, но тогда еще посередине трамвай ходил. И его называли между собой в народе «Военно-Грузинская дорога», потому что по Старому Арбату Сталина возили на дачу. И я видел один раз, как шел этот кортеж: машин пять разных, они такие... В которой Сталин сидел, я не знаю. И они через это ездили, потом через Смоленскую — и вот на Кунцевскую дачу, которая здесь. Потом для правительства прорубили Новый Арбат, чтобы можно было прямо ехать, потому что там уже тесно было ездить. Вот это стало правительственной трассой — Кутузовский проспект, Новый Арбат. Здесь снесли много. Весь этот участок — старые дома снесли. Кое-что осталось. Остался Большой Николопесковский, который одно время был улицей Вахтангова*, а сейчас он опять Николопесковский. Тут в конце стоит здание, которое видно с Кутузовского проспекта, с Нового Арбата. Вот где Новый Арбат наш, вот здесь — от Арбатской площади и до Садовой — здесь видно этот дом. Торчит между этими домами огромными. Этот дом восьмизэтажный. По моей версии, Маргарита била стекла именно в этом доме.

* В 1934—1994 годах Большой Николопесковский переулок назывался улицей Вахтангова — в память об актёре и режиссёре Е. Б. Вахтангове.

Е. Г.: Интересно.

Ю. К.: Потому что у Булгакова дом назван «Дом Драмлита», а он таки Дом Драмлита. Может быть, я что-то еще хотел в связи с этим рассказать. Вообще, я весь город знал очень хорошо. Когда я уже был после армии, у меня появилась машина, и я ездил на машине по всему городу, а потом, когда город начал разрастаться, новые районы — уже ничего не знаю. Тем более что уже не мог я в этих самых быть.

Я немножко забегу вперед. У меня был такой неуклюжий брак с 56-го по 60-й год, и я развелся. Это было все очень отвратительно. Была большая промашка с моей стороны. Нам пришлось разменять нашу комнату на две клетушки, а комната была очень хорошая, светлая комната. Нам досталась клетушка в Плотниковом переулке. Но когда я был здесь, на улице Воровского, мои окна выходили на Большой Ржевский переулок. Вот эта церковь справа, а впереди огромный генеральский дом, где жила Елена Сергеевна Шиловская тогда, которая потом ушла к Булгакову и стала его женой. Вот там генеральский дом. Я про него пишу. Там поарестовали, там всех поубивали этих генералов, маршалов. Этот дом был несчастный. Несчастный дом. Я видел его. Но самое интересное, что перед нашим домом вот эту церковь сломали и на ее месте построили (по-моему, этажей пять) огромное белое здание — Верховный суд. И перед моим окном слева был Верховный суд, выступал край здания, а здесь вдали виднелся этот дом генеральский. И вот сейчас, когда я здесь на этом диване лежу, я вижу край этого нового дома и у меня полное ощущение, что я лежу там и вижу это так, как я видел там. Это фантастика. Но как это? А выглядит просто. Я забываюсь и балдею от этого. Вот это очень интересно. Так что мне довелось потом жить... А потом строился этот дом журналистский, и мы сюда переехали. В этот дом я въехал первый — с раскладушкой. Никого не было. Первый я. А на следующую ночь приехали еще ребята в другие подъезды, мы уже охраняли дом, пока все заселились. С тех пор мы тут живем, и вот теперь уюкошат скоро этот дом. Нас прижали так, что мы тут чуть живы. Но ничего, терпим, терпим. Хорошо, что во время этого рассказа они не шумят. Иногда какие-то машины жутко громко работают, и тогда они бы нам очень мешали. Но были какие-то моменты еще.

Вид из окна комнаты Кривоносова на Большой Ржевский переулок. Москва, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Мой отец был большой специалист по квартирам. Во-первых, он добыл комнату нашу на Воровского, где мы жили. Соседняя комната — была его однокурсница. Про нее я потом буду рассказывать, когда про войну буду говорить. Он ей раздобыл эту комнату, и она жила. Муж ее был Фельдман, ее фамилия — Полякова. Они рядом с нами жили. Своему брату он добыл комнату на Красной Пресне. Красная Пресня была удивительная, деревянная. Ее всю разрушили, от нее ничего не осталось. Моя жена страшно сожалела, что не сохранили. Это удивительный был деревянный город, кусок истории, но он не сохранился. Но наш район и Малая Никитская, и Большая Никитская, которая была Герцена, а Малая Никитская — то ли Качалова была тогда, я не помню уже. Потом дом Горького на Малой Никитской, на углу. В общем, город я помню весь. Если меня спросить, где чего было, это я вам могу рассказать. Где была самая лучшая колбасная. Где были самые лучшие бублики. Бублики были где, знаете? Это где Малая Дмитровка, она же Чехова, где она подходит к Садовой — с правой стороны было деревянное здание, тут делались лучшие в Москве бублики.

Е. Г.: Я застала.

Московский быт

Ю. К.: Там были лучшие бублики. На улице Горького, она же теперь Тверская, где она соединялась с Садовой — вот здесь в то время был лучший колбасный магазин. Тоже на углу, примерно так же, как там.

Мы ходили туда. В Москве было очень много молочных. Там можно было кефир, яичницу вам могли сделать, молочко, какие-то выпечки. Мы ходили иногда туда просто завтракать или ужинать. Это было очень заведено тогда, очень распространено.

Я еще помню, когда по квартирам ходили тетки с бидонами — молоко продавали. Ходили по домам, у них уже клиентура своя была. Они приносили молоко в бидонах, разливали, и масло приносили, торговали. Это было очень даже распространено. Их было много. Они охватывали, видимо, весь город, как-то подкармливали. Удивительно, что это было. Но теперь от него ничего... По-моему, где-то у Ильфа и Петрова рассказывается об этих молочницах и хозяевах собак, которые выходили собак гулять. У нас сосед тоже был собачник, была у него большая овчарка, но это надо рассказывать в связи с войной.

Про нашу квартиру. Квартира была удивительная. Это была интеллигенция московская. Еще что-то вспомнилось, я хотел сказать... Знаете, меня мои родители никогда не били. И меня мои родители никогда не наказывали. Никаким образом. Не было ни лишения сладостей, ни прогулок, ничего этого не было. Если я что-нибудь делал не так, мне разъясняли, почему это плохо и почему этого нельзя делать. Мне этого хватило на всю жизнь. Но они меня очень плохо воспитали в каком смысле — воспитали меня таким честным, что если мне сказать: «Дай честное слово!» — и если не так, я не мог соврать. Это мне потом страшно мешало. Страшно мешало.

Село Каверино. Пожар

Еще один эпизод очень важный. Это был тридцать... Вот когда я пошел учиться в школу, начал в этой 5-й школе в Хлебном переулке, а на следующий год я уже учился в деревне. Почему? Маму послали в Рязанскую область, в районное село Каверино организовывать районную газету. Она туда уехала, организовывала там районную газету и потом ею руководила. Она была ответственный секретарь газеты. Был редактор еще и какой-то был литсотрудник — жуткий пропойца, страшное дело, ссыльный как бы туда. Село Каверино — это было большое село. Там была огромная церковь, которую превратили в клуб. В этом клубе — первое, что я в своей жизни увидел — Гоголя ставили. Какой-то приезжал театр, ставили гоголевскую «Женитьбу». Вот это я помню, в этой огромной церкви, превращенной в клуб.

Наша улица была в центре, и тут на углу была школа, в которой я учился во втором классе. Так как я все-таки был москвич, я был более развитый, чем ребята. Я в отличниках у них числился. И эта улица, тут вот была ее редакция, здесь перекресток, здесь наша улица, здесь школа, там была эта церковь. И вот эта улица... А когда по нашей улице, почти до конца улицы, дом, в котором мы жили, надо было пройти два ряда — стояли эти дома, все под соломенными крышами, конечно, а сбоку был колхозный сад — большой, оплетенный высоким забором из каких-то жердей. Пролезть нельзя было — очень плотный был.

Однажды, когда я пошел... Это было летом. Значит, я был не в школе, видно у мамы был в редакции. Я пошел туда, а тут случился пожар. Такой страшный! Такого страшного нечего я в жизни больше никогда не видел. Я сунулся в свою улицу бежать к нашему дому, но дома, которые стояли передо мной, вспыхнули! И крыши соломенные! Это огромный вихрь, огненный, колоссальный, страшный вихрь. Я не знаю — двадцать, тридцать, сто метров в высоту... Я был еще мальчишкой — мне казалось, что до неба огненное это вот. Знаете, вот как радуга перехлестывает небо — так огонь перехлестнул это небо. И я не мог к своему дому бежать. Я побежал вокруг этого сада, а он очень длинный. По периметру я его обошел и прибежал на ту сторону к своему дому.

Что было потрясающе — я это потом осознал — люди имели опыт борьбы с пожарами. Вся улица была — стояли вётлы. Кинулись с топорами, стали рубить эти вётлы и этими свежими ветками забрасывать крыши следующих домов, чтобы огонь не перекинулся на эту солому. Обливали дома и крыши водой. Там был большой пруд. Стали в очередь, передавали ведра, заливали дома, которые уже на дороге огня были, заливали крыши, заливали сами дома, обливали всю улицу. Вы не можете себе представить... И остановили огонь. Дальше не пошел. Сгорело, наверно, дома три-четыре с одной стороны, с другой

стороны, а дальше, до нашего края огонь не дошел. Но пруд был совершенно сухой. Всю воду люди вычерпали. И вот этим спасли. Когда приехали пожарные команды (они приехали из Сасово и из Шацка, и оттуда, и оттуда километров тридцать до этого), одни головешки были здесь. Пожарные уже были не нужны по существу. Ну, они там что-то гасили. Впечатление от этого пожара у меня осталось на всю жизнь. Это самое страшное, что я в своей жизни видел. Страшнее ни бомбежки, ничего... Люди метались, кричали в ужасе, но остановили огонь.

Этот год, который я прожил в деревне, очень много мне дал. Во-первых, я впитал запахи деревенские. Я их обожаю. Это совершенно особенное. Пахнет чем-то необыкновенным. Там пахнет и животными, и навозом, и еще чем-то, но какой это аромат непостижимый! Особенно утром, когда выходишь и чувствуешь эти сельские запахи. Меня мальчишки и девчонки повели на Пасху по домам, когда христосоваться. Когда я принес эти яйца, еще что-то, мама сказала: «Откуда ты взял?» — «Мы ходили по домам христосоваться».

Е. Г.: Праздновали Пасху тогда?

Ю. К.: Да! Праздновали! В деревне вовсю праздновали Пасху. Я многое там тогда узнал. Жизнь людей сельских я узнал. И как жили, и как дружили — у меня друзья там были.

Христианин вне конфессий

Но знаете, что самое интересное? Вот я пропустил такое... Когда я родился и вот до пяти лет, что ли, я был у родителей (ну, я был единственный сын), но они были очень... Сначала они были комсомольцы, потом они были молодые партийцы. Они меня не отдали бабкам. Отцовской бабке меня не отдали, потому что она бы меня окрестила. Маминой бабке не отдали, потому что она бы меня обрезала. И я остался некрещеный и нерезанный. Остался, можно сказать, с одной стороны, как атеист. С другой стороны, когда меня спрашивают, какое мое отношение к вере, я говорю, что я христианин вне конфессий. Спрашивают: «Как так? Христианин вне конфессий?» Очень просто. Почему я христианин? Потому что я убежден, что был такой человек, которого звали Иисус или по-булгаковски Иешуа, по-еврейски Иешуа, и этот человек был на самом деле, и его распяли. Он был философ, его распяли, а потом его обожествили. И вот я верю в того человека, который сказал (во всяком случае, так записаны его слова в Новом завете): «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». Я считаю, что любить друг друга — это святое дело. Правда, есть негодяи, которых любить не нужно. Вот в таком смысле я христианин вне конфессий. Вообще, я человек неверующий. Конечно, я потом очень много изучал историю религии. Когда я занимался Булгаковым, мне нужно было изучить раннее христианство. У меня это написано где-то. Я занялся ранним христианством и убедился, что был такой человек, что его обожествили, и даже у меня есть стихотворение на эту тему. Нужно ли говорить его?

Е. Г.: Прочитайте.

Ю. К.: Прочитать? Давайте я попробую. Если я буду спотыкаться, вы меня извините.

За то, что жизнь была чиста,

Что не по чину смелый,

К кресту пришили Христа,

Как лист бумаги белый.

Вписалась в круг того листа

Вселенская тревога

*И эра долгая Христа,
И тяжкий титул Бога.*

*Хоть впереди благая весть,
Так сзади камни градом,
А он и ныне в слове весь
Под этим камнепадом.*

*Идет... круша
Эпох и век границы
И бьется брменная душа
В застенках плащаницы.*

*И царства нового завет,
Где правит мысль живая,
Зовет людей две тыщи лет,
На разум уповая.*

*За сей ничтожно малый срок
Не вникли маловеры
В Христом преподанный урок
Любви, борьбы и веры.*

*А чтобы меньше был искус,
С собой играя в прятки,
Твердят, что этот Иисус
Был малость не в порядке.*

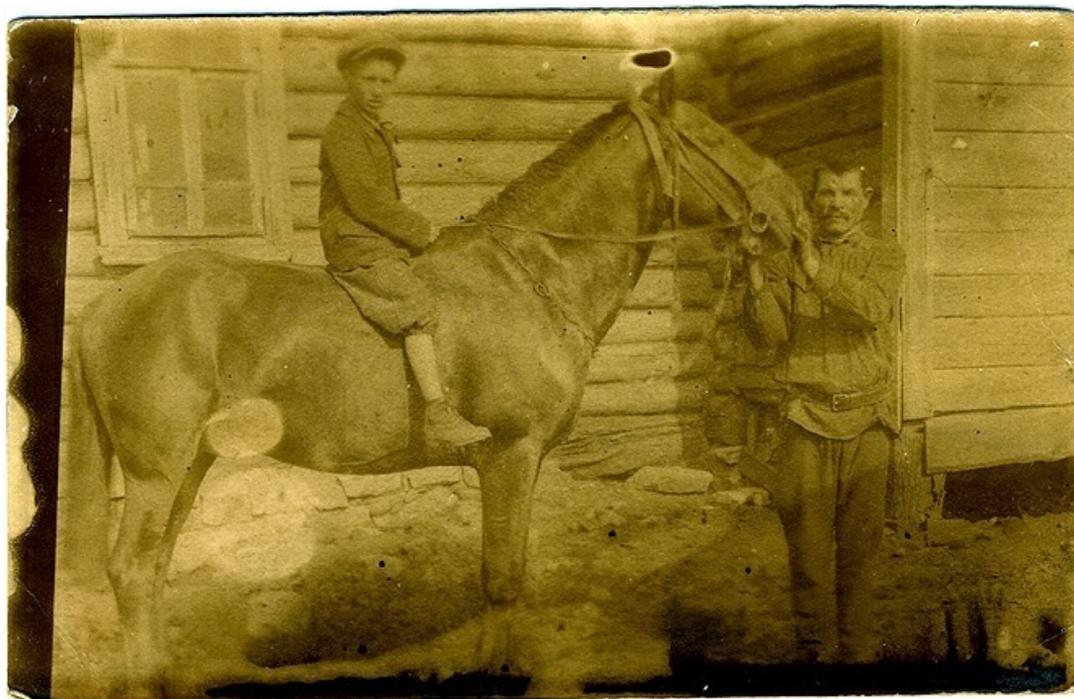
*В уме он, дескать, поврежден
И шел не в ногу с веком.
Эх, люди!.. Он же был рожден
И умер человеком.*

Вот такой стих. Поэтому я христианин вне конфессий.

Школьные годы

Е. Г.: Вернемся в ваше детство.

Ю. К.: Вернемся в мое детство. Потом я там научился ездить на лошади, причем сначала без седла, без всего. Меня чуть не убили, погнали эту лошадь. Как я удержался на ней, я не знаю, но потихоньку освоил это дело. После этого мы вернулись в Москву. Мама вернулась в Москву, меня устроили в 110-ю школу. Эта школа была на углу Малого Ржевского и Скатертного переулков. Там были дети привилегированных родителей. Я был не привилегированный, и я был очень хулиганистый. Меня они хотели обидеть, но я кому-то там чего-то сделал. Короче говоря, меня из этой школы погнали, но это был уже конец года.

Юра Кривоносов на лошади. Село Каверино, 1930-е гг. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

В Хлебном переулке на другом конце есть 107-я школа. В четвертый класс [я пошел туда]. Это был последний класс начальной школы. Там я учился вместе с ребятами, с которыми мы проучились до войны. Когда мы закончили четвертый класс, оттуда нас перевели в 93-ю школу — это на Большой Молчановке. Там мы проучились в пятом классе, и потом нас перебросили еще дальше по Большой Молчановке — 103-я школа. Там мы окончили шестой класс и седьмой класс. И тогда началась война.

Е. Г.: А как вы помните начало войны?

Ю. К.: Это надо отдельно рассказывать.

Е. Г.: Может, начнем? Или у вас еще до войны?..

Ю. К.: Нет, нет, нет. Я не знаю. Подождите. В общем, когда мы закончили седьмой класс, мы все поехали в Останкино отпраздновать окончание седьмого класса. Аттестат давали. Это неполная средняя школа была. Останкино — это загород был тогда. Там озеро, пруд — мы на лодках катались. Причем у меня

был фотоаппарат, я снимал что-то.

Е. Г.: Уже был фотоаппарат?

Ю. К.: Был фотоаппарат.

Е. Г.: Когда вы начали снимать?

Ю. К.: Снимать я начал, когда мне было десять лет, в 36-м году. Но это отдельный рассказ должен быть. Про фотографию надо отдельно рассказывать.

В Останкино мы были всем классом. А до этого перед окончанием я вызвал на свидание одну девчонку из нашего класса. Она была самая маленькая, по прозвищу Блоха. Звали ее Томка. Тамара Барышева. Мало того, что мы в школе целый день, — я ей написал записку и назначил свидание у памятника Гоголю. Я-то жил на Воровского, а она жила на Никитском бульваре. Рядом тут. У нас свидание заключалось в том, что мы с ней раза три обошли вокруг памятника Гоголю. Тогда там был сидячий памятник, который сейчас во дворе, где она жила. Она жила в гоголевском доме, кстати говоря. Потом я про это свидание написал небольшое эссе, которое было опубликовано в журналистском журнале, называлось «Первое свидание». Это было несколько лет назад. Нам уже было за восемьдесят. Я ей подарил два-три экземпляра этого журнала. Она читала, и читали ее дети, внуки. Когда внуки прочитали, они спросили: «Бабушка, ты ходила на свидания?» Вот, представьте. «Бабушка, ты ходила на свидания?» В прошлом году Томка умерла. Она родилась 18 августа, а я — 31 августа. Она была меня старше на несколько дней. В прошлом году она скончалась. Восемьдесят восемь лет ей было. Она была очень хорошая...

Борьба за пенсию и льготы для друга

Это тоже история. Кстати, я могу ее рассказать сейчас. Она вышла замуж за нашего одноклассника. Его звали Костя Иванов. Когда я после войны... Я же ушел служить и пришел через много лет, потому что нас не отпускали. Не важно. Но я узнал, что они поженились, у них родились две дочки, и мы вместе с ними ходили... Вот у нас погиб еще один наш друг, и мы к его матери каждый год ходили на его дни рождения и так помогать. У них было две дочки. И потом я куда-то переехал уже сюда, они тоже куда-то переехали из своего дома в Хлебном. И наша одноклассница Милка Трусевич сказала: «Ты Ивановых давно видел?» — «Я не знаю, где они». Она сказала: «Они вот там и там». Они в Мерзляковском переулке, напротив Хлебного — такой дом.

Я пошел с ними повидаться. Спрашиваю: «Как вы живете?» — «Да так, живем потихоньку». — «Вы справляетесь?» — «Да еле-еле справляемся». Я говорю: «Как же? У тебя же хорошая пенсия». Он говорит: «Как хорошая пенсия? У меня вот такая плохая пенсия». — «Ты уже участник войны». — «Нет». — «Как ты не участник войны?» Он говорит: «Я ходил в военкомат, обратился. Мне сказали: „Теперь никаких документов найти невозможно“. И я вот...» Прошло чуть ли не пятьдесят лет, а он не получал привилегии! Ничего. Я говорю: «Это не может быть. Как это может быть?» Он говорит: «Вот так».

Я беру и пишу в Центральный военный архив в Подольск. Получаю ответ: «У нас документов таких нету. Обратитесь в воинскую часть номер такой-то». Я пишу туда. Оказалось, это архив Московского военного округа. Я им пишу: «Поднимите журнал боевых действий разведотдела 16-й армии Рокоссовского за ноябрь-декабрь 1941 года и найдите „Иванов Константин Константинович“ и „Смирнов Юрий Викторович“. Они ходили в разведку к немцам в тыл перед наступлением наших войск». Перед тем, как наши пошли в наступление... Они в ноябре от разведотдела... Их направил туда Краснопресненский райком комсомола, меня не взяли, это длинная история. Они обошли треугольник: Истра, Волоколамск, Солнечногорск. По этому треугольнику они несколько дней ходили, запоминали, где какие немецкие части, пришли, всё доложили, но поморозились. Их списали. Костя пошел на военный завод. Юрка тоже куда-то. Их списали. Военкомат поленился запросить. Я прихожу в военкомат: «Вот ответ. Он участник войны». И получил ответ я на это. Они говорят: «Но нам положено, чтобы мы сами запрашивали». Я говорю: «Запрашивайте». Они запросили опять этот Московский округ. Пришла бумага — все точно.

А он уже лишился ноги, у него ноги не было. Видно, сказалося то, что он там поморозился во время войны. И я взял на себя все это дело.

В военкомате я получил на него удостоверение участника войны, бумаги отнес во все организации на льготы. Потом я написал в Администрацию президента в отдел наград. Получил оттуда ответ. Получил все награды, которые участникам войны в те годы давали. Отдал. Там был Отечественной войны орден, медали такие, такие, такие. Медаль «За оборону Москвы» я ему получил, хотя мне они не сразу ее дали. Но не было медали «За победу над Германией». Было удостоверение, но говорят: «Самих медалей уже нет». И я ему отдал свою. А себе взял мамину. Мамы уже в это время не было. Мамину медаль я взял себе, а ему отдал мою медаль. Короче говоря, он потом получил машину инвалидную, получил гараж. Они семь лет прожили. Уже он пенсию хорошую получал, все было у него очень хорошо. Потом он скончался, у него оказался рак легких. Он скончался, но Томка до конца своих дней тоже получала льготы как вдова участника войны. Вот видите, какая судьба.

И потом здесь была Клавдия Владимировна Кузовкина. Кланька мы ее звали. Просто Кланька. Пожилая женщина, она приходила к нам убирать. Она в Ленинграде работала на военном заводе. Я ей составил бумаги, научил, как надо делать. Я же был журналист. Я знал, с какого конца за что братья. Люди же не знают своих прав и не умеют ничего этого делать. Я ей тоже сделал эти все бумаги через Ленинград. Она получила медаль «За оборону Ленинграда», получила как участница обороны Ленинграда, получила все льготы, повышенную пенсию. Сейчас она скончалась, ее тоже нет. Кланька. Вот так я помог этим двум людям, которые не знали, с какого конца братья себя защищать.

Ну, что еще вам рассказать?

Арест соседа

Е. Г.: До войны что вы хотели еще рассказать?

Ю. К.: До войны — ничего особенного. Это будет уже разговор по поводу фотографии. До войны еще что я могу рассказать? В нашей квартире жила такая Мария Васильевна. Чудная женщина. И сын ее жил, инженер, крупный мостостроитель. Однажды ночью пришли и его арестовали, хотя у него была бумага, подписанная лично Дзержинским, что он благонадежный человек. Его забрали, и он исчез. Конечно, он пропал в ГУЛАГе. А он был первый человек, который меня приобщил к культуре. Мне было лет пять, он меня повел в цирк на представление дедушки Дурова. Зверинец дедушки Дурова. Зверюшки, железная дорога была там у него, все мыши прыгали... Ой, я смутно помню. Было мне пять лет, он меня повел. Он бы меня и дальше повел по жизни, а его арестовали. Она осталась, но о ней особенный рассказ, это надо писать. Кстати, я о ней написал в моей книге «Булгаков и его время». В этой книге я много написал про эту коммуналку и все окружение, насколько это завязано на Булгакова, на его творчество. Удивительно, насколько Булгаков проник во всю нашу жизнь.

Е. Г.: Сегодня больше про вас все-таки хотелось бы услышать.

Ю. К.: Вот я не знаю, что еще про себя рассказывать.

Первый день войны

Е. Г.: Давайте дальше тогда пойдем. На начало войны вы же еще в школе были?

Ю. К.: Нет, когда война началась, я был на Украине у папы, в Краматорске.

Е. Г.: На каникулы уехали?

Ю. К.: На каникулы уехал. Я был там. Это был жаркий день, безоблачный. Папа меня попросил отнести на почту деньги, маме переслать. Я пошел на почту через город, в старый город, через железную дорогу.

Когда я шел обратно, у домов стояли женщины и что-то говорили: «Двести убитых... Раненых... Бомбят». Но в это время шла уже война везде в Европе. Я думал, что это про ту войну. Когда я пришел к папе в больницу, к нему в кабинет (он был главврач, уже это была вторая больница, самая большая больница), он какие-то бумаги перебирает. Я говорю: «Что ты делаешь?» Он говорит: «Да вот, завершаю свои военные дела». Ну, я думаю, такое выражение — «военные дела». Тогда же все это... Он говорит: «Ты что, ничего не знаешь?» Я говорю: «Нет». — «Война началась!» — «Как война?» Он говорит: «Немцы на нас напали». Я говорю: «Они что, с ума сошли? Да мы их сейчас...» Я же насмотрелся наших фильмов. «Три танкиста», там, значит, и эти песни — «Если будет война» и так далее.

Юра Кривоносов с отцом в его кабинете в больнице. Краматорск, 1930-е гг. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Е. Г.: А вам сколько лет тогда было?

Ю. К.: Мне было четырнадцать лет. Я вполне сознательный был типчик. Он мне говорит: «Да ты что! Это будет тяжелая, большая, длинная война! Надо знать немцев». А он их знал по Первой мировой. И говорит: «Вот теперь это будет страшная война». А ему нужно было отправляться на сборный пункт. Они же все приписанные были, особенно врачи. Короче говоря, мы с ним выходим из больницы. Яркий день. А тогда же не было машин в больнице, были лошади. И коляска стоит, там сидит дедушка старый. У него такие глаза — голубые-голубые, как небо. И он говорит: «Ну что, доктор? Не будете делать операцию?» Он говорит: «Нет, дед. Не буду делать операцию». — «Ну что ж, доктор, ехать помирать?» Он говорит: «Поезжай, отец». Вот эти слова я запомнил, он ему сказал. И на брочке этого человека... И у него в глазах — голубые вот эти глаза небесные и наполненные слезами...

У меня эта сцена связана с совершенно другой сценой. Когда в Москве была паника 16 октября 41-го года, когда уже бежали все начальники, кто могли, все двери в домах были открыты и все бегали туда-сюда, и в наш дом забежала огромная овчарка и тыкалась всем в колени, и у нее в глазах стояли слезы. Вот эти две сцены у меня на всю жизнь отпечатались. Этот дедушка и эта собачка, которую бросил хозяин. Видно, уехал, бросил. Большая овчарка такая. Наверно, она была строгая, но тут она в полной растерянности — ее бросили, и это ужасно. У собак же есть ощущения. Вот когда уходишь, она начинает выть. У нее впечатление, что ее выбросили из стаи. А собака — стайное животное. А когда выбросили из стаи — это трагедия. И вот это была трагедия.

Я еще сходил на реку, нарвал мяту на берегу реки Торец в Краматорске, засушил ее и положил в такую железную коробочку. Эта коробочка у меня хранится, и эта мята еще пахнет. Можно почувствовать запах первого дня войны.

Е. Г.: Фантастика.

Ю. К.: Я вам потом дам понюхать ее. Я ее не приготовил сейчас, это потом отдельно. Через день или два я проводил папу на поезд, и он уехал на формирование где-то на Украине. Я не помню, как назывался этот район. Это в его воспоминаниях, у меня записаны, «Военврач о войне» — там он рассказывает, куда они приехали на соединение и так далее. И он уехал, и через день-два уехал я в Москву.

Вот это первый день войны так у меня отпечатался. Яркий. Вот папа в больнице, разговор о немцах и вот этот дедушка — это то, что мне запомнилось в первый день войны. Таким он мне запомнился. Ну, а потом первый год войны, потом второй год и так далее.

Воздушные тревоги в Москве

Мы ехали до Москвы не сутки, как раньше, наверное, трое суток. Говорят, где-то десанты немецкие высаживались, пересекали дорогу. Мы приехали в Москву, и в первый же день вечером воздушная тревога. Мама пошла в бомбоубежище вниз, но это надо отдельно рассказывать. А мальчишки — мы все куда? На крышу. Потому что уже были сформированы отряды МПВО, что значит «местная противовоздушная оборона». Это просто жители, в основном мальчишки были. Наш этаж был второй, а дом пятиэтажный, и лестница на черный ход. Можно было вниз идти в бомбоубежище и наверх на крышу. Ноги меня тащили вниз.

Е. Г.: Страшно было, да?

Ю. К.: Страшно. Воют сирены, жуткий вой. Это же все вот так пробирает. А гордость от сознания, что я должен вместе со всеми мальчишками идти наверх. И я пошел. Переломил себя и пошел наверх. Вот после этого «пошел наверх» несколько месяцев — где-то с июля и по апрель 42-го, пока были бомбежки — каждую ночь мы дежурили на крыше и на чердаке. Там вот «зажигалки» — известная история всякая. Это я могу отдельно рассказывать все. Про войну — это уже другой будет рассказ. И это несколько месяцев длилось. Когда нелетная погода, когда были дни нелетные, они не прилетали, но это было редко. Большей частью они прилетали в одно и то же время — сначала в девять, потом стали прилетать в десять. Прилетали они аккуратно, но они летали очень высоко. Про это я потом должен рассказывать отдельно. Таким образом, для меня начался московский период военный.

Е. Г.: А мама оставалась с вами в Москве?

Ю. К.: Мама оставалась в Москве. Все дальнейшее будем говорить в следующий раз. Я устал.

